

ТЕРМИНОЛОГИЯ И СОДЕРЖАНИЕ РИТУАЛОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ СВАДЬБЫ¹

Статья посвящена изучению некоторых компонентов свадебного обряда коми-пермяков. В исследовании решается несколько задач. Во-первых, рассматриваются свадебные термины, обозначающие отдельные свадебные акты и ритуалы. Во-вторых, проводится сравнительный анализ свадебных традиций коми-пермяков и русских. Решение данных задач позволяет выявить аналогии с русскими локальными обычаями и этническую специфику свадебной обрядовой культуры коми-пермяков. Большую часть терминов свадебных актов и ритуалов у коми-пермяков составляют заимствованные русские названия. Кроме этого, существуют обозначения на коми-пермяцком языке, часть которых появилась вследствие влияния русской лексики. Остальные термины можно назвать результатом развития собственного языка в рамках обрядовой культуры. Система свадебной терминологии у коми-пермяков довольно сложная, так как в ней не только сочетается лексика разных языков, но и существуют разные локальные варианты обозначений одного ритуала. Более подробно рассматриваются те ритуалы и свадебные акты, которые вызывают вопросы или по своему названию предполагают этническую специфику. Анализ содержания обычаев показывает, что наиболее важный их момент — действие или его символическое значение — отражается в названии. Возможно, наличие разных названий одного ритуала связано с изменениями в свадебном обряде, которые происходили у отдельных локальных групп коми-пермяков. При сравнительном анализе коми-пермяцких и русских свадебных традиций более всего сходства обнаружено с русскими Прикамья и Европейского Севера. Часть рассмотренных в статье ритуалов и свадебных актов можно назвать уникальной коми-пермяцкой традицией, так как полностью аналогичных им русских обычаев не обнаружено. Это такие ритуалы и акты, как угощение пельменями на девичнике; кудпъдбс — подача угощения гостям, которые не были приглашены на свадьбу; обычай, при котором свекровь дарит снохе платок, укладывая его ей (молодым) на плечи.

Ключевые слова: свадебный обряд, коми-пермяки, свадебная терминология, рукобитье, пельмени, купание невесты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-111-119

Свадебная обрядность коми-пермяков примечательна тем, что она во многом повторяет русский свадебный обряд. Еще в середине XIX в. редактор издания «Пермский сборник» Д.Д. Смышляев отмечал: «...свадебные обряды Пермьяков во многом сходны с обрядами окрестных Русских, от которых они, по всей вероятности, заимствованы вскоре по принятии христианства» (цит. по: [Рогов, 1860, с. 68]). На заимствование указывают общие ритуалы и обычаи, терминология, богатая музыкальная лирика, которая почти полностью исполняется на русском языке. Русское население в первые годы заселения территории Прикамья прибывало в основном из северных и центральных земель [Чагин, 1995, с. 64], поэтому можно предположить, что больше всего обрядовых параллелей коми-пермяцкая свадьба имеет с традициями данных территорий. Помимо заимствований, свадебный обряд коми-пермяков может включать и свои этнические элементы, что остается слабо изученным, несмотря на наличие подробных этнографических описаний. Определение территориальных параллелей с русской традицией и выявление этнических компонентов в обряде являются основной целью настоящей статьи. Методами исследования стали анализ обрядовой коми-пермяцкой терминологии и сравнение свадебных ритуалов коми-пермяков и русских.

Исследование опирается на опубликованные описания свадебного обряда коми-пермяков с середины XIX до начала XXI в. [Рогов, 1860, с. 68–116; Янович, 1903, с. 72–92; Белицер, 1958, с. 298–309; и др.] и на записи полевых исследований автора и участников этнографических экспедиций Пермского государственного научно-исследовательского университета (1999–2007 гг.,

¹ Статья подготовлена в рамках проектов УрО РАН № 15-13-6-29, РФФИ № 17-14-59001.

рук. А.В. Черных), Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (2005–2013 гг., рук. И.А. Подюков, А.В. Черных). Полевые материалы представляют собой рассказы-воспоминания об обряде, который бытовал в течение XX в.

Обрядовая терминология имеет большое значение в изучении традиций. С.М. Толстая в ее составе выделяет обозначения ритуальных предметов, действующих лиц, действия, свойства и прочее [1989, с. 216]. В данной статье изучаются термины отдельных ритуалов и ритуальных действий или актов. Свадебный акт, по определению А.В. Гура, это «простейший элемент свадебного обряда, единица свадебной реальности, имеющая обрядовую, обычно знаковую природу» [1978, с. 72]. «Свадебный ритуал» в статье рассматривается как совокупность нескольких актов, имеющая определенное значение в обряде. Отметим, что не все свадебные акты и ритуалы в народной культуре имеют свои названия, но в речи большинство из них определенным образом обозначаются, например, описательно, и можно выявить относительно устойчивые их формулы.

Обозначения свадебных актов и отдельных ритуалов у коми-пермяков бытуют на русском и коми-пермяцком языках, причем один и тот же акт на разных территориях или в речи в разных ситуациях общения может иметь разные обозначения: *чикись разьны* и *чикись пущи́тны* 'косу расплести' (в сев. и южн. наречиях), *йёрйотны* 'огородить' и «закрыть дорогу» (к.-п. и рус. речь). Многие заимствованные русские термины используются коми-пермяками в неизменном виде: рукобитье, обручение, девичник, свадьба, обед, пирожный стол, хлебины и др.

Термины на коми-пермяцком языке по происхождению и значению можно подразделить на следующие группы:

1) преобразованные «на коми-пермяцкий лад» русские термины: *девишникасьны* 'проводить девичник', *веничайтём* 'венчание', *задатитчём* от слова «задаток», «ритуал, во время которого дают задаток»;

2) переводы русских терминов на коми-пермяцкий язык: *пирбёг лун* 'пирожный день', *невес-та юан* 'пропивание невесты';

3) коми-пермяцкие выражения, описывающие свадебные акты: *вурсьыны* 'шить' — невеста с помощью подруг готовит приданое (то же, что девичник), *корасьны* 'сватать' (от слова *корны* 'звать') и др.;

4) коми-пермяцкие выражения, обозначающие символический смысл свадебного акта и ритуала: *ичмонявны* букв. 'сделать невесткой' в значении «надеть женский головной убор» и др.

Приведенные группы указывают на то, что в языке коми-пермяков сформировалась своя система обозначений свадебных актов и ритуалов. Большую долю в общем корпусе терминов составляют воспринятые русские свадебные названия, все остальные можно определить как результат словообразования коми-пермяцкого языка, в том числе благодаря влиянию русской лексики. Рассмотрим некоторые из терминов и сравним их значение в свадебной обрядности коми-пермяков и русских.

Одним из неоднозначных терминов на коми-пермяцком языке является *кикутан* (*ки кутны* 'руку брать'), который исследователи переводят как 'рукобитье' [Коми-пермяцко-русский словарь, 1985, с. 172]. Рукобитье в русской традиции Северного Прикамья — это «название свадебного дня между просватаньем и обручением, когда скреплялся договор о предстоящей свадьбе, и сам свадебный договор» [Подюков и др., 2004, с. 145]. Одним из знаковых действий этого обычая часто называется битье по рукам, когда отец невесты берет за руку свата, мать — руку свахи, невеста — жениха, в некоторых случаях третье лицо разбивает их руки [Там же]. Н.А. Рогов в описании коми-пермяцкой свадьбы разделяет два названия. Рукобитьем он называет день просватанья, а *кикутны* — лишь один из актов рукобитья: «Сваты берут друг у друга правую руку, что называется *кикутны* — руку держать. Сватовщик говорит отцу невесты: "Смотри, сват, не имей другого слова! Попятишься — отдашь бесчестье; я отступлюсь — я плачу". С одной стороны товарищ сватовщика, с другой — мать невесты разнимают у сватов руки. Этим обрядом утверждается, что условие между сватами было заключено при свидетелях и получило теперь уже обязательную силу» [Рогов, 1860, с. 72]. Авторы описаний свадебного обряда коми-пермяков рубежа XIX–XX вв. называют только русский термин — рукобитье, который также означает ритуал заключения соглашения о свадьбе. Он включает трапезу, угощение вином, вручение невестой подарков родне жениха, песни и игры молодежи, а также «битье по рукам» [С.М.А., 1889, с. 219; Смирнов, 1891, с. 216; Янович, 1903, с. 79–80]. Аналогично повествуют о данном ритуале В.Н. Белицер и В.В. Климов, причем исследователи используют терми-

Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы

ны «рукобитье» и *кикутан* как равнозначные [Белицер, 1958, с. 303]. В.В. Климов также по отношению к данному ритуалу использует названия «пропивание» или *винаюбм* [2007, с. 89, 250].

Согласно современным полевым материалам, терминам «рукобитье» и *кикутан* даются следующие определения.

I. Рукобитье = рукожатье = *кикутан* — ритуал, который совершается после сватовства, когда жених с родителями приходит к невесте, все угощаются за столом, в один из моментов сваты (или другие участники обряда) берутся за руки (Коч., Юсьв.).

II. Рукобитье = *кикутан* — «вечерка» после сватовства, во время которой акт рукопожатия отсутствует (Куд., Юсьв.).

III. Рукобитье = *кикутан* — акт рукопожатия во время ритуала, следующего за сватовством (Юсьв.), в некоторых случаях за руки берутся через стол, третье лицо разбивает (Коч.); или руки на несколько секунд обертывают полотенцем (Куд.).

IV. *Кикутан* — акт во время свадебных ритуалов, во время которых жених и невеста держатся за одно полотенце (Коч., Юсьв.).

Таким образом, и русское, и коми-пермяцкое названия используются для обозначения ритуала договоренности о свадьбе и символического акта пожатия рук как знака заключения договора. Аналогичное значение слово «рукобитье» имело в русских говорах Архангельской, Новосибирской губерний [Словарь..., 2001, с. 248]. Определение *кикутан* как акта, во время которого жених и невеста держатся за одно полотенце, очевидно, позднее, оно могло появиться тогда, когда об отдельном ритуале договоренности с таким названием не помнили. Подобное смещение значения объясняется тем, что коми-пермяцкое слово *кикутан* в отличие от русского «рукобитье» в буквальном переводе означает 'держание руки'. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что термин *кикутан* появился не вследствие перевода русского слова «рукобитье», а возник самостоятельно в коми-пермяцком языке как обозначение конкретного акта — пожимания рук.

Большую распространенность на территории России имел обычай под названием «пропивание», он встречался в северных и центральных губерниях, в Поволжье и Сибири [Березин, 1981, с. 37; Словарь..., 1998, с. 206; Самоделова, 2015а, с. 98–101]. По описанию Я. Предтеченского, в г. Чердыни этот обычай следовал за рукобитьем, он закреплял договор двух семей о свадьбе [1859, с. 60–63]. В с. Подволочье Архангельской области пропивание невесты означало то же, что ритуал рукобитья [Русская свадьба, 2000, с. 48]. Аналогичное значение приводит В.В. Климов в коми-пермяцкой традиции [2007, с. 250]. В.М. Янович пишет, что «пропой» в свадебном обряде коми-пермяков заменил старый обычай «рукобитье» [1903, с. 74]. Если судить по материалам полевых исследований, то данный обычай был более известен в Кудымкарском и Юсьвинском районах. В Кочевском районе пропивание невесты в некоторых примерах описывается как один из актов ритуала *задатитчём*. В русской речи коми-пермяки используют слова «пропивать», «пить», в коми-пермяцкой — *юны* 'пить', *невеста юны* 'невесту пропивать', *вина юны* 'вино пить'. На пропивании жених с родней обязательно должны принести в дом невесты спиртные напитки и небольшое угощение. Если невеста с родителями угощались напитками жениха, то в последующем они уже не могли отказать им в свадьбе. Во время пропивания невеста накрывала стол своими блюдами, приглашала подруг, они пели песни, плясали, жених дарил невесте подарки, сваты договаривались о свадьбе. Таким образом, в коми-пермяцкой свадебной терминологии выражение *невеста юны* используется в двух значениях: 1) ритуал закрепления договора о свадьбе после сватовства, заменивший в некоторых местах рукобитье; 2) один из актов в ритуале закрепления договора о свадьбе, когда ритуал известен под другим названием. В первом случае главным символическим актом договоренности считается употребление невестой и ее родней напитков жениха, во втором данный акт является лишь одним из череды других знаковых действий.

Ритуал *задатитчём* (*задатитчины*), известный в Кочевском районе, по своему значению аналогичен пропиванию и рукобитью. Он включает угощение, заключение договора о свадьбе, в том числе символический акт рукопожатия (с. Пельым Коч.), обмен жениха и невесты подарками. Важен в нем акт передачи невестой жениху *знамени* (*залога, задатка*) как знака согласия на брак. В качестве *знамени* невеста могла дать полотенце, отрез ткани, пояс, рукавицы, рубаху, кисет. Жених в ответ дарил невесте деньги или платок. Вручение подарков жениховой родне и ответные отдаривания присутствовали и во время рукобитья [Рогов, 1860, с. 73; Янович, 1903, с. 80]. Традиция давать «знамя» больше известна в северных районах Коми-Пермяцкого округа,

но также зафиксирована среди иньвенских коми-пермяков (п. Березовка Куд.). Слова *задаток* и *знамя* в том же значении использовались в соседних русских районах — Ильинском, Карагайском, Юрлинском [Подюков и др., 2004, с. 59, 64]; *задаток* (*задаточек*) и *залог* — в северных, центральных и сибирских губерниях России [Словарь..., 1974, с. 43, 213; Логинов, 2010, с. 222]. Судя по происхождению терминов и распространению обычая, данный акт свадебной обрядности воспринят коми-пермяками от русских, при этом коми-пермяки, проживающие на территории Кочевского района, по-видимому, придавали ему большее значение, отчего его название распространилось на целый ритуал свадебного обряда.

Коми-пермяцкие термины свадебной обрядности, которые просто обозначают действие описательно, как правило, совпадают с терминологией русской свадебной традиции. Лишь немногие из них вызывают вопросы и требуют сравнительного анализа.

Один из таких обычаев — угощение пельменями. В XX в. пельмени были одним из традиционных свадебных блюд коми-пермяков. В середине XIX в. Н.А. Рогов при описании свадебных столов их не называет, хотя отмечает, что «пельмени весьма уважаются Пермьяками и готовятся только в важных случаях: для невесты, зазванной в гости, для знатных гостей...» [1860, с. 17]. По описанию второго дня свадьбы, которое дает В.М. Янович, можно судить, что пельмени во время свадебного пира подавались и могли быть с разными начинками [1903, с. 79]. При полевых исследованиях тексты о данных обычаях, к сожалению, были записаны только на русском языке, акты в них определяются как «пельмени готовить», «пельмени стряпать», «пельмени есть». На коми-пермяцком языке они звучат так: *пельняннез керны*, *пельняннез стряпайтны*, *пельняннез сёйны*. В рассказах отмечаются особые моменты приготовления пельменей, это канун свадьбы во время девичника и второй (третий) день свадьбы. В первом случае пельмени стряпали подруги и родственники невесты, во втором — молодуха с помощью родственников мужа. В некоторых местах в пельмени специально клали разные вещи, а затем смотрели, что попадет невесте и ее подругам (уголь — несчастье или муж будет кузнецом; соль — плохой знак или богатая жизнь, хлебная начинка — богатая жизнь, нитка-плетка — драчливый муж). В деревнях Юсьвинского и Кудымкарского районов такие пельмени ели обычно после посещения невестой бани, к девушкам тогда мог присоединиться жених: «*А потом тожно приезжают пельмени исть. Накануне, ну. <...> Пельмени настряпают, пельмени едят тоже. Девчонка пригласят че-то, девчонка приглашает своих девчонка тоже готовить, девичник де*» (Гордеева М.С.).

В русской традиции описание обычая «есть пельмени» во время девичника отмечается на территории Пермского края в Верещагинском районе. В один из пельменей клали волос невесты. Кому из девушек этот пельмень доставался, та должна была следующей выйти замуж [Подюков и др., 2004, с. 213]. Также пельмени, по которым гадали о будущей судьбе, стряпали в Юрлинском районе на второй день свадьбы [Там же, с. 108]. Пельмени как свадебное блюдо распространены на ограниченной территории. Если судить по доступным нам описаниям, пельмени на свадьбу готовили в соседних с Пермским краем регионах: в Свердловской области (Кушва) ими угощали невесту во время ее визитов к родственникам перед свадьбой, удмурты ставили на стол пельмени на свадьбе в доме невесты [Корчагин, 2015, с. 88, 91; Кережи, 2016, с. 178]; у русских северо-восточной части Среднего Поволжья пельмени были одним из обязательных блюд на второй день свадьбы [Зорин, 2001, с. 150]. Таким образом, можно сделать вывод, что традиция угощения пельменями на свадьбе бытовала в Прикамье и на соседних территориях, а обычай есть пельмени на девичнике и гадать по ним, возможно, возник в местах расселения коми-пермяков.

Невеста лапьялны ‘накинуть на невесту платок’ — описательное обозначение одного из свадебных актов, которое известно коми-пермякам Косинского и Кочевского районов. Р.М. Баталова и А.С. Кривошекова-Гантман дают следующий перевод коми-пермяцкого слова *лапьялны* (*вапьявны*): «накидывать на себя платок (на плечи, на голову)» [Коми-пермяцко-русский словарь, 1985, с. 219]. В описаниях свадебного обряда коми-пермяками обычно уточняется, кто накидывает (свекровь), что накидывается (полушалок, платок с бахромой) и на кого (на невесту, на молодых): *невеста лапьялõны подшалокõн* ‘невесту накрывают полушалком’, *матшка подшалок лапьялас* ‘свекровь полушалок накинёт’. По разным источникам, действие это осуществлялось в доме жениха вскоре после приезда молодых или уже к концу дня. Приведем одно из наиболее подробных описаний: «*А матшкакыс сйõ чышьянõн лапьялõ, невестасõ. Пыркõтõ и сйõ благословляйтõ, этадз керлõ нйõ кыкнансõ* [показывает: трясет платок, обво-

дит его вокруг молодых и кладет им на плечи]. *“Буржыка олны тiянлб...”* ‘А свекровь ее платком укрывает, невесту. Трясет и благословляет ее, вот так делает над ними обоими... “Чтобы вам лучше жить...”’ (Батуева А.Е.). В отдельных примерах отмечается, что данное действие происходило во время раздачи невестой подарков, когда родственники мужа поочередно подходили к молодым. По сообщению краеведа В.И. Гагарина, в с. Большая Коча Кочевского района свекровь (затем и свекор) во время этого акта впервые называла невесту «дочкой», а невеста в ответ дарила подарок и называла так, как хотела бы обращаться к ним в будущем. В народном восприятии данный акт имеет несколько значений: 1) передача подарка от свекрови невестке, 2) благословение молодых, 3) установление терминов-обращений для молодухи и родителей жениха. Считаем, что в совокупности данный акт символически отмечает принятие молодой в новую семью.

Полностью аналогичной традиции накидывания платка на невесту у других народов не обнаружено, вместе с тем в разных местах существовали свои обычаи дарения платка невесте и покрывания платком ее или молодых. Так, у южных удмуртов мать жениха надевала на невесту платок, который закрывал ее голову и лицо, «с этой минуты девушка считалась молодухой и не могла вернуться в родной дом» [Кережи, 2016, с. 174]. У русских Водлозерья свекровь набрасывала на голову молодой большой шелковый платок при завершении обряда «окручивания» [Логинов, 2010, с. 241–242]. В Македонии (р-н Виноци) мать жениха покрывала молодых шелковым платком при встрече их в своем доме [Гура, 2012, с. 473]. В качестве подарка платок вручался молодой у коми (Усть-Цыльма, Латьюга). В традиции зауральских коми (Обдорск) свекровь при встрече молодых снимала с невесты платок и накрывала ее своим [Плесовский, 1968, с. 87–88]. Итак, традиция дарения платка свекровью снохе является общей для разных народов, при этом акт *невеста лапьялны* у коми-пермяков своеобразен по способу осуществления, символической семантике и лингвистическому обозначению.

Наибольший интерес для определения этнического своеобразия имеют коми-пермяцкие термины, обозначающие символическое значение свадебного акта или ритуала. Одним из них является *кудпыдбс* ‘дно лукошка’ (*кудпыдбс сёйны, юны* ‘дно лукошка есть, пить’, *кудпыдбс вильотны* ‘дно лукошка обглаживать’). Термин распространен только среди части южных (иньвенских) коми-пермяков и используется в двух значениях: 1) название следующего после свадьбы или последнего дня; 2) угощение, которое подается на следующий после свадьбы день. Особенностью данного ритуала является то, что угощаться приходят все желающие, которые не гуляли на самой свадьбе, в том числе приезжают родители и подруги невесты (д. Патрукова Куд.). По описанию В.В. Климова, еду в этот день готовит невеста, гости шутят над ней и тайком суют в пищу угольки, щепки и т.п., затем по вкусу блюд судят о невесте [2007, с. 257]. «Смотр невесты» местными жителями, включающий оценку ее умений, является частью данного ритуала. Согласно нашим полевым материалам, в день *кудпыдбс* для угощения могут выставить остатки со свадебного стола (д. Нижняя Волпа Юсьв., д. Косьва Куд.), рыбный пирог (д. Габово Юсьв.) или порезанный на кусочки каравай хлеба (д. Корчевня, с. Антипино Юсьв.). Эту еду кладут на доску, укрывают ситом или лукошком и ставят на стол² (д. Корчевня Куд., д. Нижняя Волпа Юсьв.) либо на скамейку [Климов, 2007, с. 257]. По народному поверью, вся свадебная еда должна быть съедена, оставлять ее грешно: *«Кудпыдбс шуёны, сякёй объедкаэз колясё, мый эм, чтобы сёйыштисё, чтобы эз вёв сiя, сiя пё грешно ‘Кудпыдэс говорят, разные объедки оставляют, что есть, чтобы поели, чтобы не было, это, мол, грешно’»* (Бушueva С.Х.). Это поверье отражает ценностное отношение народа к пище и ее обрядовому значению. Как отмечает В.Я. Пропп, в народных представлениях «общность еды создает общность рода» [1986, с. 318]. То есть процесс употребления пищи всеми присутствующими выполняет объединяющую функцию.

² По материалам Н.А. Рогова, коми-пермяки подавали кушанья, закрытые сверху блюдом, на свадьбе в доме невесты и на столованье в доме жениха [1860, с. 103, 109]. Эта традиция сохранялась на территории Юсьвинского района в XX в. В некоторых местах в XX в. закрытым приносили только последнее блюдо в доме невесты (д. Верхняя Волпа Юсьв., с. Пелым, д. Кукушка Коч.). Поднесение угощения закрытым отмечается в традиции коми [Плесовский, 1968, с. 59, 90], русских Пермского края [Предтеченский, 1859, с. 55], Вятской губернии, Центральной России (москов. мещане) [Гура, 2012, с. 501]. Исследования А.К. Байбуриным славянской традиции показывают, что кулинарный код имеет исключительную важность «в общей системе используемых в ритуале “языков”» [1993, с. 86]. Закрытые блюда на коми-пермяцкой свадьбе, возможно, являются символом целостности семьи, «честности» невесты, а в случае с последним блюдом — окончания пира.

Этимология названия *кудпыдѡс* до конца не ясна. Возможно, термин обозначает само угощение, то есть остатки пищи, которые умещаются на «дне лукошка», или, как предполагает В.В. Климов, «дно свадьбы» (где *куд* — свадьба, так как *кудйыны* — «собирать кучу, объединяться») [2007, с. 257]. В любом случае, на наш взгляд, данный ритуал является завершающим этапом обряда, тем более в местах его бытования не отмечается последующих свадебных обычаев. В русской свадебной терминологии похожих названий мы не обнаружили. На территории Пермского Прикамья последний свадебный день называли по-разному: «Пирожный стол», «Разъезжий стол», «Большой стол»; тогда собиралась родня невесты и жениха, но соседи обычно не приходили [Подюков и др., 2004, с. 166–168]. Известно, что угощение не приглашенных на свадьбу людей как у коми-пермяков, так и у русских Пермского Прикамья происходило обычно в день венчания и называлось *крянѡй* (корьяны, краяны), пузыряно (позырено) [Предтеченский, 1859, с. 92; Рогов, 1860, с. 107; Подюков и др., 2004, с. 80]. Тогда толпе наблюдателей раздавались семечки, орехи и другие продукты. Обычай угощения *кудпыдѡс* можно сравнить с восточно-славянской традицией деления караваев между гостями или поедания каши на свадьбе, которую А.К. Байбурин объясняет как распределение новой «доли» между представителями старшей группы [1993, с. 82]. Вместе с тем похожих обычаев среди русских Пермского края не зафиксировано, поэтому, учитывая самобытное название *кудпыдѡс*, можно предположить, что данный ритуал не заимствован, а возник среди коми-пермяков и выполняет несколько функций: показ кулинарных способностей молодухи, включение молодой в местную общину, обозначение завершающего этапа свадьбы.

Среди коми-пермяков Косинского района бытовал обычай послесвадебного купания невесты (*невеста купайтны*), который в с. Пуксибе называют *купайтны умѡль урод* 'купать плохого урода'. Проводили его в первый год жизни молодых, в летний период, когда женщины находились рядом с рекой. Без предупреждения они окунали молодуху в воду или обливали ее: «*Летом шутят. Здесь в деревне поженились, пошли косить. Надо невесту купать. Пошла на обед руки мыть, взяли, молодую облили водой. Такая мода была*» (Олехова Т.И.). В с. Пуксибе акт купания толкуют как избавление от всего плохого: «*Мый тэнат умѡльыс, сйѡ гыльялѡны, умѡльсѡ 'Что у тебя есть плохое, это полощут, плохое'*» (Батуева А.Е.). В коми-пермяцком языке слово *умѡль* 'плохой' используется в значении болезни, которую сопровождают припадки, судороги, а словосочетание *умѡль урод* встречается в текстах лечебных заговоров. Например, заговор при лечении кожных болезней: «*Господи, Аминь, Бог, Пресвятая Богородица, спаси и сохрани, ночью спать, днем не реветь, умѡлик уродвѡ не сетчыны '...плохому уроду не поддаваться'...*» (Бабина М.С.). Или, в другом тексте, после обрызгивания младенца остатки воды выплескивают за дверь и произносят: «*Урод умѡльыс мед ыбѡс сайѡ петѡ-мунѡ 'Урод плохой пусть за дверь выходит-уходит'*» (Петрова А.Г.). Скорее всего, во всех случаях словосочетание *умѡль урод* является собирательным обозначением болезней. Способ избавления от недугов в реке у коми-пермяков был популярен во время православных праздников [Голева и др., 2009, с. 544–551], поэтому похожее значение акта в свадебной обрядности вполне допустимо.

Купать молодую в летнюю пору было принято в традиции коми (Луза, Ниж. Вычегода, Вымь) [Плесовский, 1968, с. 115], удмуртов [Окунева, 2012, с. 18], у населения Вологодской области (Тарногский р-н) [Балашов и др., 1985, с. 300]. Выражение «купать молодую» зафиксировано в онежском говоре [Словарь..., 1980, с. 99]. Ф.В. Плесовский объясняет данную традицию коми вместе с обычаем удмуртов окатывать новобрачную водой на следующий день свадьбы — «приобщением молодой к реке» [1968, с. 115], тогда как русскую традицию исследователи интерпретируют как символическое крещение, «прием в члены семьи, общества» [Словарь..., 1980, с. 99]. В свадебной обрядности русского населения [Зеленин, 1991, с. 339] и части коми-пермяков чаще шуточное обливание молодых или посещение ими бани происходило на второй или третий день свадьбы, сопровождали их родственники молодых. Е.А. Самоделова при изучении рязанской свадьбы отмечает, что «свадебный ритуал с водой (с умыванием) был многофункциональным, причем жители каждого селения придавали ему свою функцию (из набора возможных) и устраивали соответственные ритуальные действия» [2015b, с. 116]. Вместе с тем исследователь отмечает, что ритуалы с водой маркируют физиологическое превращение девушки в женщину [Там же, с. 120].

Анализ коми-пермяцкого ритуала купания показывает, что в архаичном варианте он мог быть способом приобщения молодухи к новой возрастной или родовой группе либо к новой местности. Об этом говорят характер ритуала, который связан с испытанием, состав участников —

Терминология и содержание ритуалов коми-пермяцкой свадьбы

взрослое население, обычно женщины, место проведения — река. В поздней локальной традиции коми-пермяков, если считать правильной приведенную выше трактовку свадебного термина, обычай имел дополнительный смысл — избавление от недугов, и данная его функция считалась ведущей.

Анализ терминологии свадебного обряда коми-пермяков, сравнение действий и содержания отдельных свадебных актов и ритуалов с традициями других народов позволяют сделать несколько выводов. У коми-пермяков сложилась своя терминология свадебной обрядности, в которой сочетаются заимствованные русские названия и обозначения на коми-пермяцком языке. Изученные термины, как правило, выражают наиболее важное содержание (либо значение) акта или ритуала, поэтому на разных территориях один и тот же этап обряда мог называться по-разному (*кикутан*, *невеста юны*, *задатитчём*). В свадебном обряде коми-пермяков помимо заимствованных традиций присутствуют собственные обычаи, которые не имеют полных соответствий на других территориях (*кудпыдбс*, *невеста лапьялны*, угощение пельменями во время девичника). Изученные коми-пермяцкие обычаи больше всего аналогий имеют с традициями Русского Севера и соседних территорий Прикамья и Урала.

Список информаторов:

- Бабина Мария Степановна, 1915 г.р., п. Купрос-Волок Юсьв. 2003 г. Соб. Кылосова В.
Батуева Александра Егоровна, 1931 г.р., с. Пуксиб Кос. 2008 г. Соб. Голева Т.Г., Фадеева С.А.
Бушуева Серафима Харитоновна, 1920 г.р., д. Косьва Куд. 2005 г. Соб. Сергеева Л., Черных А.В.
Гагарин Василий Иванович, с. Большая Коча Коч. 2017 г. Соб. Голева Т.Г.
Гордеева Мария Семеновна, 1935 г.р., д. Данино Юсьв., родилась в д. Истемово. 2004 г. Соб. Стрик М., Деденко М.
Олехова Таисия Ивановна, 1925 г.р., д. Трифаново Кос. 2001 г. Соб. Голева Т.Г., Градусова О.В.
Петрова Анна Григорьевна, 1941 г.р., с. Юкseeво Коч. 2008 г. Соб. Голева Т.Г., Фадеева С.А.

Список сокращений

- К.-п. — коми-пермяцкий.
Кос. — Косинский район.
Коч. — Кочевский район.
Куд. — Кудымкарский район.
Юсьв. — Юсьвинский район.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 339 с.
Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.
Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — перв. пол. XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.
Березин П.А. Свадьба в Заветлужье. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 223 с.
Голева Т.Г., Черных А.В. «Стояние на воде» — «*Ваын сулавны*» — в календарной традиции коми-пермяков // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. № 1 (23). С. 544–551.
Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 72–88.
Гура А.В. Брак и свадьба в славянской традиционной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с.
Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
Кережи А. Удмуртские свадебные обычаи и обряды // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: Традиции и новации в современной культуре. Самара, 2016. С. 168–184.
Климов В.В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.
Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.
Корчагин П.А. Коми-пермяцкое мясо-тестяное блюдо эпохи складывания всероссийского рынка или антропология пельменя // Вестник Перм. НЦ. 2015. № 4. С. 84–95.
Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: Обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.
Окунева Т.В. Удмуртская свадьба как текст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 23 с.

- Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
- Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.
- Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1859. С. 3–107.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 164 с.
- Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–127.
- Русская свадьба: В 2 т.* М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2000. Т. 1. 512 с.
- С.М.А.* Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Перм. епархиальные ведомости. 1889. № 13–14. С. 209–219, 225–233.
- Самоделова Е.А.* Традиционная рязанская свадьба: (Довенчальные ритуалы и таинство венчания) // Рязан. этногр. вестник. Рязань, 2015а. № 56. Т. 1. С. 1–261.
- Самоделова Е.А.* Традиционная и современная рязанская свадьба: (Послевенчальные ритуалы и мировоззренческие аспекты) // Там же. 2015б. Т. 2. С. 1–278.
- Словарь русских народных говоров.* Л.: Наука, 1974. Вып. 10: Заглазки — Заросить. 388 с.
- Словарь русских народных говоров.* Л.: Наука, 1980. Вып. 16: Куделя — Лесной. 376 с.
- Словарь русских народных говоров.* СПб.: Наука, 1998. Вып. 32: Присуха — Протишь. 271 с.
- Словарь русских народных говоров.* СПб.: Наука, 2001. Вып. 35: Реветь — Рящик. 360 с.
- Смирнов И.Н.* Пермяки: Историко-этнографический очерк // Известия общества археол., истор. и этногр. при Импер. Казан. ун-те. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2. 289 с.
- Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской культуры: Источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–229.
- Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. Пермь: Изд-во ПермГУ, 1995. 364 с.
- Янович В.М.* Пермяки: Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I, II. С. 52–171.

T.G. Goleva

Perm Federal Research Centre of Ural Branch RAS
Lenin st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: golevat@yandex.ru

TERMINOLOGY AND CONTENT OF RITUALS OF KOMI-PERMYAK WEDDING

The article is dedicated to a study of some components of a wedding ceremony of the Komi-Permyaks. Several problems are solved in this research. First, wedding terms which refer to wedding acts and rituals are divided into groups. Secondly, wedding traditions of the Komi-Permyaks and Russians are compared. Completion of these tasks allows us to identify analogies with the Russian local customs and ethnic specificity of the wedding ritual culture of the Komi-Permyaks. Most of the terms describing wedding acts and rituals of the Komi-Permyaks are borrowed Russian words. In addition, there are designations in the Komi-Permyak language, some of which appeared due to the influence of the Russian language, other terms can be considered as a result of the development of their own language as a part of ritual culture. The system of wedding terminology of the Komi-Permyaks is quite complicated, because it combines vocabularies of different languages and different local versions of the terms for the same ritual. The article analyzes in more detail the wedding rituals and acts which have an ambiguous meaning or, according to their names, suggest an ethnic specificity. Content analysis of the customs shows that the most important moment — action or its symbolic importance — is reflected in the name of a ritual. Perhaps, existence of different names of the same ritual is a result of changes in the wedding ceremony on different territories among local groups of the Komi-Permyaks. Comparative analysis of the Komi-Permyak and Russian wedding traditions indicates that more similarities are observed with those Russians who lives in Kama region and in the European North. A part of the wedding rituals and acts discussed in the article can be considered unique Komi-Permyak traditions, as they have no analogies found among the Russian customs. Among them are acts like eating dumplings at the bachelorette party, treating to people who were not invited to the wedding (*kudpydes*), a custom when a mother-in-law gives her daughter-in-law a handkerchief, and puts it on her shoulders or on newlyweds' shoulders.

Key words: wedding ceremony, Komi-Permyaks, wedding terminology, engagement, dumplings, bathing of the bride.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-38-3-111-119

REFERENCES

- Baiburin A.K., 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture* [Ritual in a traditional culture], St. Peterburg: Nauka, 339 p.
- Balashov D.M., Marchenko Iu.I., Kalmykova N.I., 1985. *Russkaia svad'ba: Svadebnyi obriad na Verkhnei i Srednei Kokshen'ge i na Uftuge (Tarnogskii raion Vologodskoi oblasti)* [Russian wedding. Wedding ceremony on the Upper and Middle Kokshenga and at the Uftuga (Tarnogskiy district, Vologda region)], Moscow: Sovremennik, 390 p.
- Batalova R.M., Krivoshchekova-Gantman A.S., 1985. *Komi-permiatsko-russkii slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary], Moscow: Russkii iazyk, 624 p.
- Belitser V.N., 1958. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX — perv. polovina XX v.* [Essays on Ethnography of the Komi peoples: XIX — first half XX centuries], Moscow: AN SSSR, 373 p.
- Berezin P.A., 1981. *Svad'ba v Zavetluzh'e* [A wedding in Zavetluzhye], Gorky: Volgo-Viatskoe kn. izd-vo, 223 p.
- Chagin G.N., 1995. *Etnokul'turnaia istoriia Srednego Urala v kontse XVII — pervoi polovine XIX veka* [Ethnocultural history of the Middle Urals in the end of the XVII — first half of the XIX century], Perm, 364 p.
- Goleva T.G., Chernykh A.V., 2009. «Stoianie na vode» — «Vayn sulavny» — v kalendarnoi traditsii komi-permiakov [«Standing on water» («Vayn sulavny») in calendar tradition of the Komi-Permyaks]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 1 (23), Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk, pp. 544–551.
- Gura A.V., 1978. *Opyt vyavleniia struktury severnorusskogo svadebnogo obriada (po materialam Vologodskoi gubernii)* [An effort of identifying the structure of the North Russian wedding ceremony (by the materials of Vologda province)]. *Russkii narodnyi svadebnyi obriad. Issledovaniia i materialy*, Leningrad: Nauka, pp. 72–88.
- Gura A.V., 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi traditsionnoi kul'ture: Semantika i simvolika* [Marriage and wedding in Slavic traditional culture: Semantics and symbolism], Moscow: Indrik, 936 p.
- Ianovich V.M., 1903. *Permiaki: Etnograficheskie ocherk* [Permyaks: An ethnographic essay]. *Zhivaia starina*, I, II, St. Petersburg, pp. 52–171.
- Kerezsi A., 2016. *Udmurtskie svadebnye obychai i obriady* [Udmurt Wedding Customs and Rituals]. *Prazdniki i obriady v Uralo-Povolzh'e: traditsii i novatsii v sovremennoi kul'ture*, Samara, pp. 168–184.
- Klimov V.V., 2007. *Korni bytiia: Etnograficheskie zametki o komi-permiakakh* [Roots of beingness: Ethnographic notes about the Komi-Permyaks], Kudymkar: Komi-Perm. kn. izd-vo, 368 p.
- Korchagin P.A., 2015. *Komi-permiatskoe miaso-testianoe bliudo epokhi skladyvaniia vserossiiskogo rynka ili antropologiiia pel'menia* [A Komi-Permyak meat-and-dough dish in the time of formation of the all-Russian market, Anthropology of dumplings]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, no. 4. pp. 84–95.
- Loginov K.K., 2010. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ia: Obriady, obychai i konflikty* [Traditional life cycle of the Russians of Vodlozerye: Rites, customs and conflicts], Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke, 424 p.
- Okuneva T.V., 2012. *Udmurtskaia svad'ba kak tekst* [Udmurt wedding as a text]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan, 23 p.
- Plesovskii F.V., 1968. *Svad'ba naroda komi: Obriady i prichitaniia* [Wedding of the Komi people: Rituals and lamentations], Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 320 p.
- Podiukov I.A., Khorobrykh S.V., Antipov D.A., 2004. *Etnolingvisticheskii slovar' svadebnoi terminologii Severnogo Priam'ia* [Ethnolinguistic dictionary of wedding terminology of the Northern Kama River region], Usolye; Solikamsk; Berezniki; Perm: Permskoe kn. izd-vo, 360 p.
- Predtechenskii Ia., 1859. *O svadebnykh obriadakh g. Cherdyni* [About the wedding ceremonies of the city of Cherdyn]. *Permskii sbornik*, Moscow, pp. 3–107.
- Propp V.Ia., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a magic tale], Leningrad: Izd-vo LGU, 164 p.
- Rogov N.A., 1860. *Materialy dlia opisaniia byta permiakov* [Materials for description of the Permyak life]. *Permskii sbornik*, kn. 2, otd. 2, Moscow, pp. 1–127.
- Samodelova E.A., 2015a, b. *Traditsionnaia riazanskaia svad'ba* [Ryazan traditional wedding]. *Riazanskii etnograficheskii vestnik*, no. 56, vol. 1, 2, Ryazan, pp. 1–261, 1–278.
- Smirnov I.N., 1891. *Permiaki: Istoriko-etnograficheskie ocherk* [The Permyaks: A historical and ethnographic essay]. *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*, vol. IX, no. 2, Kazan, 289 p.
- Tolstaia S.M., 1889. *Terminologii obriadov i verovaniia kak istochnik rekonstruktsii drevnei dukhovnoi kul'tury* [Terminology of rites and beliefs as a source for reconstruction of ancient spiritual culture]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi kul'tury: Istochniki i metody*, Moscow: Nauka, pp. 215–229.
- Zelenin D.K., 1991. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic Ethnography], Moscow: Nauka, 1991, 507 p.
- Zorin N.V., 2001. *Russkii svadebnyi ritual* [Russian wedding ritual], Moscow: Nauka, 248 p.